

Молодой человек лежал, прижавшись к его коленям, и нежно покусывал его пальцы.

Бух-бух, бух-бух. Янь Хуалань прижал ладонь к левой стороне груди, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Чувство тревоги длилось лишь мгновение, но в следующую секунду лицо юноши исказилось от боли, а из его рта и носа потекла черная кровь.

Зрачки Янь Хуаланя резко сузились; он мгновенно обнял потерявшего сознание юношу и, расправив крылья, рванулся прочь из покоев.

— Доктор!

□*

Прошло время одной палочки благовоний.

Шуан Цзянь Нянь лежал на кровати с закрытыми глазами, вокруг царил тьма, воздух был насыщен запахом трав.

— ...Как он? — до него донесся хриплый голос Янь Хуаланя.

— Яд Ядовитой выпы, культивировавшей триста лет, убивает мгновенно, как только попадает в кровь. Но, к счастью, этот жаворонок-яо обладает врожденной сопротивляемостью к ядам, а медицинская помощь была оказана вовремя, так что ему удалось сохранить жизнь.

Лекарь тяжело вздохнул:

— К сожалению, его глаза уже никогда не увидят света.

Как только эти слова были произнесены, в покоях воцарилась гнетущая тишина.

Шуан Цзянь Нянь неловко пошевелил пальцами. Отравленное печенье не было случайностью; он просто хотел использовать эту возможность, чтобы Янь Хуалань не смог увидеть его глаза, и, таким образом, не смог бы определить его истинную личность. Его собственные врачебные навыки позволили бы ему излечить свои глаза в любой момент.

Из-за Ванцин Шуан Цзянь Нянь давно привык к боли, и потеря зрения для него была так же незначительна, как обрезка волос. Но он не ожидал, что это вызовет у Янь Хуаланя такую

ярость и скорбь.

...Поэтому теперь в сердце Шуан Цзянь Няня возникло чувство вины и небольшое сожаление, он начал сомневаться, не совершил ли ошибку.

Янь Хуалань был охвачен холодным гневом:

— Это невозможно вылечить?

— Верно, — покачал головой лекарь, — но, Ваше Величество, будьте спокойны: он все равно сможет петь для вас, так что это не так важно...

— Ха, — Янь Хуалань усмехнулся, — Потеря языка не мешает тебе лечить людей? Может, мне его вырвать?

Доктор побледнел от шока.

Звук разбитой вазы внезапно разорвал тишину.

— Вон! — раздался глухой рык Янь Хуаланя, от которого задрожали деревянные двери покоев.

Доктор в страхе повалился на пол и, поспешно поднявшись, едва удержался на ногах, чтобы выбежать прочь. Уже за дверью он спросил у стоящего на страже Юй Хуэя:

— В чем я так не угодил Его Величеству?

— Какое еще «если поет, значит все в порядке»? — с упреком прошептал Юй Хуэй. — Этот жаворонок-яо — не просто любимец короля. Иначе Его Величество не стал бы брать его на руки и лично нести к тебе, даже когда его собственная жизнь висела на волоске из-за ожогов.

— Вот уж незадача, совсем я на старости поглупел, — ударив себя по лбу, вздохнул лекарь. — Теперь королевская столовая в беде.

— Его отравил Пань Лю, но и на кухне не уследили, — с тревогой ответил Юй Хуэй. — Отравить короля яо — это уже смертный грех, а тут еще и ранили любимца Его Величества. Кто знает, какие последствия это принесет...

Те, кто не знал короля, могли считать его распущенным и слабавольным. Но Юй Хуэй знал: по своей природе король яо был жесток и свиреп, и лишь ради того, чтобы угодить одному человеку, он прятал свою истинную сущность. Однако слишком долго скрывая ее, можно было забыть о ней самому.

Но на этот раз...

Юй Хуэй опустил взгляд на трясущегося от страха Пань Лю и связанный персонал из дворцовой столовой и холодно приказал:

— Всех внутрь, Его Величество сам вынесет приговор.

В спальне Пань Лю с грохотом повалился на пол. Он взглянул на юношу-жаворонка, лежащего на ложе, — неужели тот выжил? И почему сам король сидел у его постели, охраняя его?

Пань Лю почувствовал, как от ревности глаза его наполнились слезами.

Юй Хуэй вытащил из его рта кляп и приставил острие копья к шее:

— Изменник! Осмелился отравить короля яо! Ты понимаешь свою вину?

Пань Лю выкрикнул:

— Я никогда не замышлял отравить Его Величество! Я хотел убить только жаворонка! Ваше Величество, поверьте мне, я просто слишком восхищаюсь вами!

Он надеялся, что король ограничится лишь легким наказанием и отпустит его...

Но Янь Хуалань не удостоил его даже взгляда.

— Шумно? — тихо спросил он у лежащего на ложе юноши.

Шуан Цзянь Нянь кивнул.

— Хорошо, — холодно ответил Янь Хуалань.

Шуан Цзянь Нянь не видел, что происходило, он лишь слышал, как кровь брызгала на пол, слышал звуки борьбы, как обугливалась плоть, удары лбом о пол... А затем все стихло, и лишь звук волочащегося тела разорвал тишину.

Внутри зала воцарилась тишина, настолько глубокая, что было слышно падение булавки.

- Оставшихся вывести и казнить без пощады, — безразлично произнес Янь Хуалань.

Из толпы яо донесся всхлип, но вскоре он был прерван. Зная, что их ждет смерть, никто не осмелился издать ни звука, опасаясь, что их постигнет такая же страшная участь, как и Пань Лю.

Юй Хуэй не смог вынести этого, он открыл рот, чтобы попросить о пощаде, но, испугавшись усугубить ситуацию, снова замолчал.

Внезапно кто-то легонько дернул за рукав Янь Хуаланя.

Шуан Цзянь Нянь, держа его за край рукава, поднял глаза, закрытые белым бинтом:

- Ваше Величество, вы хотите, чтобы мои глаза скорее исцелились?

- А иначе? — Янь Хуалань остался бесстрастным.

Шуан Цзянь Нянь нахмурился:

- Но я слышал, что чрезмерное убийство может повлиять на удачу. Возможно, у меня был шанс исцелить глаза, но из-за всей этой крови и злобы...

Он, конечно, не верил в это, но не хотел, чтобы десятки жизней были напрасно утеряны, поэтому попытался увещевать.

- Тогда не будем убивать, — неожиданно легко согласился Янь Хуалань, - Смертной казни не будет, но наказания избежать не удастся. Пятьдесят ударов палками, а после ежедневно молитесь и возжигайте благовония во здравие. Запомните, кто спас ваши жизни.

Маленькие яо из кухни с облегчением вздохнули и, упав на колени, начали бить поклоны в знак благодарности.

- Прибыл государственный наставник, — доложил Юй Хуэй.

Пань Лю был одним из учеников государственного наставника, и за его проступок наставнику грозило наказание.

- Простите, Ваше Величество, — медленно произнес государственный наставник, — Этот министр проведет ночное бдение в башне наставника, молясь за жаворонка.

Государственный наставник был мудрецом, способным предсказывать небесные знамения, и его молитвы имели особое значение.

Янь Хуалань молчал, что можно было расценить как его согласие.

Шуан Цзянь Нянь знал, что у государственного наставника есть желание убить Янь Хуаланя, и не хотел его прощать:

- Обязанность наставника — защищать короля, предсказывая добро и зло. Пирожные были отравлены, угрожая безопасности короля. Наставник должен компенсировать это.

Юй Хуэй с удивлением посмотрел на него. Обычно это маленькое создание вело себя очень скромно и мало говорило, но в этот решающий момент оно оказалось таким красноречивым.

Государственный наставник открыл свои кроваво-красные глаза и, сквозь снежно-белые ресницы, посмотрел на Шуан Цзянь Няня.

Шуан Цзянь Нянь ответил ему ледяным взглядом. Несмотря на слепоту, он четко ощущал пристальный взгляд наставника — словно тот мог видеть его насквозь.

Наконец, государственный наставник медленно произнес:

- Этот министр нарушил свои служебные обязанности. Тогда я всеми силами помогу Его Величеству заполучить истинный огонь Сюаньюань и укрепиться на троне. Я, Бай И, клянусь Небесным Путем.

Как только прозвучали эти слова, все присутствующие в зале вмиг замерли от неожиданности. Государственный наставник всегда был равнодушен к Янь Хуаланю и поддерживал связь с повстанцами под предводительством Синьи. Кто бы мог подумать, что сегодня он внезапно изменит свое отношение и захочет помочь Янь Хуаланю?!

Государственный наставник, сохранявший спокойствие, произнес:

- Речь идет об истинном огне Сюаньюань, посторонним лучше не присутствовать при этом разговоре. Ваше Величество...

Янь Хуалань махнул рукавом:

- Все, выйдите.

Шуан Цзянь Нянь только собрался встать, как одновременно прозвучали голоса Янь Хуаланя и государственного наставника:

- Ты остаешься.

Янь Хуалань бросил на наставника взгляд и заставил Шуан Цзянь Няня снова сесть, добавив:

- Ложись.

Два самых знатных яо в клане стояли, обсуждая важные дела, в то время как Шуан Цзянь Нянь, простой мелкий яо, должен был лежать и отдыхать — неслыханно!

Поначалу он ощущал некое неудобство, но затем, из-за медленного и монотонного голоса наставника, напоминающего гипноз, он случайно заснул. Сквозь дремоту он услышал, как наставник сказал:

- Чтобы покорить истинный огонь Сюаньюань, нужно одолеть внутреннего демона. В его иллюзорном мире Ваше Величество столкнется с тем, чего вы больше всего боитесь в глубине души.

Янь Хуалань надменно ответил:

- Как этот король может бояться чего-либо?

- Любому есть чего бояться, — спокойно произнес государственный наставник. — Независимо от того, осознаете ли вы это или признаете, страх будет проявляться в каждом кошмаре, и в конце концов он предстанет перед вами в мире внутреннего демона, парализуя и сокрушая вас.

Янь Хуалань погрузился в молчание. Он вспомнил те тревожные кошмары. В бодрствующем состоянии он всегда был полон оптимизма и непоколебим, но как только засыпал, все, что его пугало, проявлялось одно за другим.

Например, океан, например, звон колокольчика; например, бессмертие, например, уход брата... и еще — «Янь Чэнь».

Эта сцена глубоко запечатлелась в сердце Янь Хуаланя.

Государственный наставник ушел. Янь Хуалань молча сидел на краю ложа.

Шуан Цзянь Нянь проснулся, чувствуя легкую нервозность от того, что они остались вдвоем. Он не знал, удалось ли ему сохранить свою личность в тайне. В тот короткий миг их взгляды встретились, но, возможно, Янь Хуалань не успел ничего заметить... или так казалось?

Когда Янь Хуалань понял, что Шуан Цзянь Нянь очнулся, его голос прозвучал хрипло:

- Откуда ты узнал, что пирожное было отравлено?

Шуан Цзянь Нянь с тревогой ответил:

- Когда я принимал форму, я был голоден. Я не сдержался и набросился на еду. Не ожидал, что в ней был яд.

Собеседник промолчал.

Шуан Цзянь Нянь не знал, что Янь Хуалань все это время внимательно наблюдал за ним. На его лице мелькали радость от того, что он обрел потерянное, бессилие, грусть... и вина за то, что его брат был отравлен. Он доверял своей интуиции, но одной интуиции недостаточно, чтобы доказать что-либо. Он уже не был так наивен, как прежде, чтобы думать, что простое выражение чувств может решить все проблемы.

Он думал о том, почему брату пришлось уйти, почему брат не хотел раскрыть свою истинную личность.

И еще, почему брат решился съесть это отравленное пирожное.

В конце концов, Янь Хуалань подавил в себе порыв признаться.

- Голоден? — его голос не выдавал эмоций, - Я кормил и поил тебя как следует. Когда же я оставлял тебя голодным?

Казалось, что отношение и тон Янь Хуаланя к маленькому жаворонку все еще свидетельствовали о том, что он не узнал его. Шуан Цзянь Нянь с облегчением выдохнул.

Раздался тихий шорох. Янь Хуалань взял с тарелки пирожное, откусил кусочек и, тщательно пережевывая, убедился, что оно не отравлено, прежде чем протянуть его Шуан Цзянь Няню.

— Ешь.

Шуан Цзянь Нянь уже поднял руку, но, словно вспомнив что-то, медленно отступил:

— Это пирожное, которое уже откусил Ваше Величество.

Для представителей рода яо разделение пищи было слишком интимным действием, которое он не мог принять. В его мыслях всплыли вопросы: неужели Янь Хуалань часто так поступает в дворце? Легко ли он делится добротой, привлекая вокруг себя рой диких пчел и бабочек?

Его сердце сжалось от острой боли. Даже сам Шуан Цзянь Нянь не осознавал своих чувств, но Ванцин уже заметил их и предупредил его. Получив предупреждение, он почувствовал себя

странно и даже немного раздраженно. Какая ему разница, что Янь Хуалань привлекает внимание? Почему это должно его волновать?

Рядом Янь Хуалань положил пирожное себе в рот, но на его лице читалось такое же раздражение. Не признаваться создавало массу неудобств: нельзя кормить, нельзя спать вместе, нельзя проявлять чрезмерную близость, нельзя быть рядом постоянно, а самое главное — нельзя говорить то, что хочется...

Раздался едва слышный звук от движения ткани, когда Шуан Цзянь Нянь повернулся на бок, оставив Янь Хуаланю лишь свою спину.

У Янь Хуалана перехватило дыхание, а в его глазах, погруженных во мрак, внезапно вспыхнул ужас. Он только что был поглощен переживаниями о травме брата, но внезапно вспомнил, что в то время, когда он не узнал своего брата, он показал свою дурную натуру перед маленьким жаворонком. Он ежедневно угрожал приготовить жаворонка, использовал его как игрушку для снятия стресса, мучил ужасными песнями, бросал его, заставлял есть насекомых и петь песенки... И это не считая тех странных слов.

А в первую очередь, был этот секрет «о том, чтобы запереть и раскрывать перед ним свой хвост».

Спасите меня!

Образ послушного младшего брата исчез безвозвратно?

Старший брат наверняка мечтает проткнуть его иглой!

Янь Хуалань отчаянно провел рукой по лицу, желая напрямую уничтожить мир и перезапустить время.

Если объяснить, что в тот момент он был одержим, будет еще не слишком поздно?

Его охватило еще большее уныние.

В плохом настроении казалось, что его раны стали болеть во сто крат сильнее. Он уже не выглядел тем властным тираном, каким был только что, а медленно, с трудом, вернулся на свое ложе с поникшими перьями, вялый и изнуренный.

Два больных полдня не обращали друг на друга внимания: один злился на себя, другой молча мысленно убивал себя сотни раз, не желая открывать глаза и сталкиваться с суровой реальностью своей птичьей жизни.

На следующий день Янь Хуалань объявил, что его раны зажили, и вновь отправился к кратеру вулкана. Имея за плечами предыдущий опыт и предсказание государственного наставника, он тщательно подготовился, и в его взгляде читалась решимость.

На его широких и крепких плечах пересекались новые и старые шрамы, кожа была то красной, то фиолетовой, что придавало ему дикую энергию, совершенно не соответствовавшую тому юному, любящему красоту мальчишке, которого помнил Шуан Цзянь Нянь.

Янь Хуалань оглянулся, как будто ожидая, что тот что-то скажет. Но юноша не произнес ни слова, даже не заметив его взгляда. Янь Хуалань почувствовал легкое разочарование, отвернулся и прыгнул в кратер вулкана.

Только тогда Шуан Цзянь Нянь тихо прошептал:

- Надеюсь, у тебя все будет хорошо.

Ожидая возвращения Янь Хуаланя, он тайно вылечил свои глаза. Белая повязка все еще прикрывала их, служа лишь внешним прикрытием.

На этот раз они ждали восемнадцать дней, но Янь Хуалань так и не вернулся. Лампа души все еще горела, что хотя бы означало, что он жив.

Ясное небо внезапно разорвал гром молнии.

Премьер-министр Байхэ, получил сообщение и тяжело вздохнул:

- Генерал Синьи уже вернулась с Восточного моря и ждет у обрыва для поединка. Она сказала, что если Его Величество не появится в течение двух часов... это будет означать, что он сам добровольно отказывается от битвы и уступает ей.

С этого момента трон короля яо больше не будет иметь к нему отношения.

- Но Его Величество еще не нашел истинный огонь Сюаньюань! - Юй Хуэй встревоженно вспотел, - Даже если он его найдет, потребуются время на очищение и восстановление, а также несколько дней для достижения уровня Божественной Трансформации!

Премьер-министр Байхэ глубоко вздохнул:

- Эта битва с самого начала была проигрышной. Трон неизбежно будет утерян, и теперь нам остается лишь думать о том, как защитить Его Величество в этих темных водах дворца.

Шуан Цзянь Нянь мысленно спросил у Системы:

- «Правда ли, что это единственный путь?»

- [Один день в реальности – десять лет в иллюзии. В сюжете Янь Чэнь провел пять жизней в циклах иллюзий и потратил полторы тысячи лет на тренировку, прежде чем случайно победил демона в своем сердце. Это значит, что, возможно, Янь Хуалань пробудится только через полгода.]

Шуан Цзянь Нянь задумался.

- «Если я войду в иллюзию, смогу ли я помочь ему?»

- [Хозяин может войти в его иллюзию через духовную связь и сломать тупик. Но есть вероятность, что хозяин сам окажется в ловушке.]

- «Если я смогу помочь ему, этого достаточно».

Шуан Цзянь Нянь решил войти в кратер вулкана.

Чтобы избежать обнаружения, ему нужно было сначала усыпить премьер-министра Байхэ с его сыном и пеликана-яо, которые охраняли это место. Однако, когда он прислушался, он заметил, что их дыхание было глубоким и медленным, словно они все уже спали.

Кроме того, он услышал еще одно легкое дыхание.

Шуан Цзянь Нянь оглянулся и, сквозь белую завесу, увидел государственного наставника в белом одеянии с белоснежными волосами.

Его действия были предсказаны государственным наставником?

Шуан Цзянь Нянь холодно сказал наставнику:

- Я не знаю, что ты замышляешь, но я не позволю тебе навредить Янь Хуаланю.

Государственный наставник не ответил.

Шуан Цзянь Нянь больше не обращал на него внимания и присел рядом с телепортационным кругом. Изначально круг был настроен на перенос из места, где находился Янь Хуалань, за пределы вулкана, но если изменить его направление, то можно было бы вернуться к Янь Хуаланю.

С помощью Системы Шуан Цзянь Нянь изменил направление круга.

Перед тем как шагнуть в круг, он спросил Систему:

- «Если мы встретимся в иллюзии, будет ли он помнить меня после выхода?»

- [Иллюзия, созданная сердечным демоном, не отличается от сна, и в ней не останется четких и конкретных воспоминаний. Сон запечатлется в подсознании и станет эмоциональным отпечатком.]

Шуан Цзянь Нянь успокоился: так его маска может продержаться еще немного.

Система напомнила ему:

- [Не только это. После того как вы войдете в иллюзию, вы оба потеряете свои прежние воспоминания. Найдете ли вы друг друга, сможете ли распознать сердечного демона – все это неизвестно... Даже так, хозяин все равно готов рискнуть?]

Шуан Цзянь Нянь беззаботно улыбнулся:

- «Какая разница, если я потеряю память? Пока я остаюсь собой, а он собой, наше восприятие друг друга не изменится».

И чувства не изменятся.

Он без колебаний шагнул в круг.

Температура в глубинах лавы была настолько высокой, что могла моментально превратить культиватора в прах. Вокруг тела Шуан Цзянь Няня вспыхнуло изумрудное пламя, и он прямо упал в объятия Янь Хуаланя.

Янь Хуаланя полностью поглотила лава, и меж белоснежных ребер его грудной клетки мерцал ярко-красный огонь.

Это был истинный огонь Сюаньюаня.

Шуан Цзянь Нянь не тратил времени на сожаления, он лишь прижал свой лоб к черепу Янь Хуаланя, пытаясь соединить их души. Янь Хуалань совершенно не сопротивлялся. В мгновение ока их души слились, и Шуан Цзянь Нянь был втянут в иллюзию, созданную его внутренним демоном.

□□*

После долгого мрака Шуан Цзянь Нянь открыл глаза, и его взгляд натолкнулся на ярко-красный цвет. Он сел и обнаружил, что на нем свадебный головной убор и парадный наряд с фениксами, а на брачном ложе рассыпаны красные финики и арахис.

Но это брачное ложе находилось в пещере на морском утесе. К его лодыжке была прикреплена серебряная цепь с колокольчиками, которая тянулась куда-то за алый полог кровати.

За пределами полога бушевали морские волны.

Шуан Цзянь Нянь нахмурился, погружившись в раздумья.

...Он оказался здесь, кажется, чтобы защитить кого-то по имени Янь Хуалань.

Но больше он ничего не мог вспомнить.

Звенящий звук колокольчика раздался, когда цепь на его лодыжке натянулась, словно что-то за пределами алого полога тянуло за нее.

Взгляд Шуан Цзянь Няня был почти полностью закрыт свадебным головным убором. Он ощупью спустился с кровати, босыми ногами ступая на песок, и двинулся в сторону звука.

Острые осколки костей вонзились в его ступни. Кровь впиталась в морскую воду, и ледяная, не похожая на человеческую, рука схватила его за лодыжку. Нога была поднята, и что-то холодное и скользкое начало вылизывать кровь из его ступни, словно это был... гибкий язык русалки.

Серебряная цепь тянула его все глубже в море. Свадебный наряд, намокнув, стал тяжелым, словно водоросли, оплетающие его тело и уносящие его вглубь.

К нему прижалось тело взрослого мужчины, и из его горла раздался приглушенный смех.

Кончики ушей Шуан Цзянь Няня запылали — этот голос был до боли знаком, как у того, кого он хотел найти. Тот человек проник под его свадебный головной убор и обхватил его за шею.

Дыхание Шуан Цзянь Няня стало неровным. Свадебный головной убор упал, и перед ним предстало лицо, одновременно демоническое и прекрасное.

- Ты хорошо спал прошлой ночью?

- ...моя невеста.

<http://bllate.org/book/13610/1207156>